

УДК 81-139

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИМОТИВАЦИИ ДЕРИВАТОВ*П. А. Катышев, С. К. Соколова***SOURCE STUDY ASPECT IN THE CONTEXT OF RESEARCH OF DERIVATIVES' POLYMOTIVATION***P. A. Katyshev, S. K. Sokolova*

В статье описывается один из этапов экспериментального изучения полимотивации, связанный с характеристикой системно-структурных свойств дериватов, предъявляемых испытуемым в качестве слов-стимулов. Установление системно-структурных особенностей дериватов возможно при их рассмотрении как элементов подсистем национального языка (в нашем случае – диалектных подсистем). Это, в свою очередь, предполагает актуализацию источниковедческого аспекта, заключающегося, по мнению основоположника диалектной мотивологии О. И. Блиновой, в использовании данных диалектных словарей для решения лексикографических, словообразовательных и иных проблем. Информация, полученная при анализе словарных статей, позволяет выявить системную эпидигматику слов-стимулов, их морфемно-словообразовательные свойства, которые на этапе сбора и интерпретации ассоциативного материала расцениваются в качестве условий (детерминант) речемыслительной деятельности испытуемых.

This paper describes an experimental research of the stages of polymotivation associated with the characteristics of the system-structural properties of the derivatives, which were placed by a word-stimulus. The establishment of a systemic and structural features of derivatives possible when the derivatives considered as elements of the subsystems of the national language (dialect subsystems). And it implies the actualization of source study aspect, which consists, according to the founder of dialect motivological research Olga Blinova, in the use of dialect data dictionaries for solving lexicographic, word formation and other problems. Information obtained by the analysis of entries, identifies the system epidigmatic of word-stimulus, their morphemic-derivational properties, which are considered as determinants of speech activity of subjects at the stage of data collection and interpretation of the associative material.

Ключевые слова: полимотивация дериватов, источниковедческий аспект.

Keywords: derivatives' polymotivation, source study aspect.

Проблема полимотивации неоднозначно решается в современном словообразовании. В рамках системно-структурной лингвистики данным явлением обозначаются случаи формально-семантического соотношения производного слова с несколькими производящими единицами.

Распространение функционального подхода в языкознании позволило по-новому взглянуть на явление полимотивации. Так, в работах, выполненных в Томской мотивологической школе, полимотивация рассматривается как фактор, детерминирующий варьирование внутренней формы слова; см., например, [1, с. 117 – 128]. Важно отметить, что варьирование внутренней формы слова, обусловленное полимотивацией, выводится из показаний языкового сознания диалектоносителей. Именно обращение к метаязыковой деятельности диалектоносителей способствовало обоснованию и развитию когнитивно ориентированной теории полимотивации, основные положения которой представлены в [7]. Полимотивация в рамках данной теории определяется как «стратегия речемыслительной деятельности носителя языка» [11], направленная «на раскрытие смыслового потенциала словообразовательной формы» и осуществляемая «по принципу замены дериваты множеством конкретизаторов, включенных как в одно, так и в несколько мотивирующих суждений» [7, с. 12]. Системное описание данного явления способствовало выделению основной и сопутствующих детерминант полимотивации (более подробно об этом в [7; 8; 9; 10]).

Особый интерес представляет структурная детерминанта, изучение которой позволило сделать предположение о зависимости речемыслительной деятельности носителей языка от свойств структуры деривата; в частности, выявляется зависимость интенсивности полимотивации от агглютинативности / фузионности морфонологической структуры [17] и от степени членимости производного [18].

В соответствии с современной тенденцией противопоставления системоцентризма и антропоцентризма изучение любого явления может проводиться как в рамках первого, так и в рамках второго подхода. Однако следует отметить, что столь резкое противопоставление этих двух подходов в современной лингвистике поддерживают не все исследователи. Так, Л. Г. Зубкова отмечает, что «лингвистика, изучающая естественный язык человека, не может не быть антропологической; изучение языка (тоже, разумеется, осуществляемое человеком) не может быть отделено от “человеческого фактора”, даже если такие попытки предпринимаются. Поэтому определение современной лингвистики как антропологической в сущности избыточно. Оно может быть оправдано лишь возникшей недавно необходимостью “очеловечивания” лингвистики в ответ на угрозу ее дегуманизации в крайних течениях структурализма» [6, с. 101]. Кроме того, существует мнение о необходимости объединения этих двух парадигм. Так, В. А. Пищальникова отмечает, что системоцентризм должен находиться с антропоцентризмом в отношениях дополнительности, а следовательно, возможно совмещение обоих подходов в

рамках более общей концепции, в которой объекты включаются в иной парадигматический ряд и становятся предметом сопоставления и сравнительной оценки на основе иных интегративных свойств и характеристик [13].

При изучении структурных детерминант полимотивации, с одной стороны, необходимо выявить системно-структурные характеристики производных знаков, а с другой – определить зависимость интенсивности полимотивации от этих характеристик. При таком подходе к изучаемой проблеме появляется необходимость в привлечении как системоцентрического, так и антропоцентрического подходов. Так, для того чтобы иметь представление о том, какими характеристиками обладают интересующие нас производные в системе языка, необходимо рассмотреть, в каких эпидигматических и парадигматических отношениях они находятся с другими знаками. Реконструировать же такие отношения, а соответственно и характеристики языковых знаков, можно по данным словарей. В свою очередь, посредством психолингвистического эксперимента, целью которого является определение зависимости интенсивности полимотивации от структурных характеристик производного, можно узнать, насколько те или иные структурные особенности слова являются значимыми для продуцирования речевой деятельности конкретного индивида, что актуализирует антропоцентрическую парадигму.

Для выявления структурных детерминант полимотивации был проведен психолингвистический эксперимент, в котором использовались производные наименования растений – фитонимы (*красноголовник*, *медуница*, *девятильник*, *рекостав* и *свербигуз*). Важным этапом в освещении и оценке экспериментальных данных выступает характеристика слов-стимулов как элементов частных диалектных систем, поскольку в процессе анализа экспериментального материала требовалось установить корреляцию между условиями речемыслительной деятельности и способами их проявления. Соответственно до сбора и анализа экспериментального материала были использованы данные разных словарей, что обусловило актуализацию источниковедческого аспекта исследования.

Источниковедческий аспект активно развивается учеными Томской мотивологической школы. В рамках данного направления исследуются показания языкового сознания носителей языка [3; 4; 15; 19], анализируются этимологические словари как источник мотивологии [12]. Источниковедческий аспект включает «два направления: анализ источниковой базы для составления словарей и анализ информативных возможностей диалектных словарей для решения лексикографических, словообразовательных и иных проблем» [2]. Как известно, диалектные словари, во-первых, составляют базу для синхронического и диахронического изучения лексики, во-вторых, «обобщая и приумножая языковое, а значит, и ментальное богатство, дают четкость ... слову, ясность в вопросах происхождения языка и народа, отражают многообразие народного литературно-речевого творчества» [5].

Авторы статьи опираются на второе направление в применении источниковедческого аспекта в целях лингвистического описания: данные диалектных словарей используются для выявления эпидигматических особенностей слов-стимулов.

Наименования растений, предъявляемые испытуемым в эксперименте, функционируют в диалектной макросистеме, и для выявления базовых системно-структурных характеристик искомым словам сначала использовались данные Словаря русских народных говоров (СРНГ), что позволило определить степень распространенности выбранных фитонимов и степень их интегрированности в диалектные системы разных говоров.

По данным словаря, производное *красноголовник* функционирует в Архангельской, Воронежской, Иркутской, Калужской, Томской, Тверской областях, Красноярском крае, на Среднем Урале и Среднем Приобье. Производное является полисемантом и включает 6 лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ). Примечательно, что в качестве первого в словаре отмечено значение *гриб подосиновик*, функционирующее в Тверской, Иркутской областях и на Среднем Урале, а значение *растения, относящегося к тому или иному семейству*, отмечено в 2 – 6 ЛСВ [СРНГ, выпуск 15].

Фитоним *медуница* встречается в Архангельской, Тверской, Вятской, Смоленской, Новгородской, Вологодской, Калужской, Пермской, Рязанской, Ярославской, Нижегородской областях и на территории бывшей Латвийской ССР. Данное производное используется в диалектах как для именования растения, так и для обозначения насекомых (*пчел*, *шмелей*, *ос*, *мух*), что приводит к возникновению омонимии. Оба наименования являются многозначными словами: первый омоним, именуемый растением, включает 10 ЛСВ, обозначающих то или иное растение (*растение Trifolium pretense L.*, сем. *мотыльковых*; *клевер луговой*; *растение Trifolium repens L.*, сем. *мотыльковых*; *клевер ползучий*, *дятлина белая*; *растение Spiraea ulmaria L.*, сем. *розовых*; *лабазник вязолистный*; *растение Mentha agrestis Soil.*, сем. *губоцветных*; *мята полевая* и др.), второй – 4 ЛСВ [СРНГ, выпуск 18].

В СРНГ отмечается, что наименование *девятильник* встречается в Томской, Кемеровской, Тверской, Тобольской, Тюменской, Курганской, Пермской, Вятской областях, в южных районах Красноярского края. Данная лексема включает 9 ЛСВ; в ЛСВ 1 – 8 содержатся сведения о различных растениях, а 9 ЛСВ фиксирует собирательное наименование *дикорастущих растений сем. сложноцветных*. *Aster amellus L.*, *астра ромашковая*; *Achillea millefolium L.*, *тысячелистник обыкновенный*; *Senecio ericaefolius L.*, *крестовник эруколистный* [СРНГ, выпуск 7].

Производное *рекостав* используется на территории Архангельской, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Томской, Тульской областях, северной Сибири и республики Коми. Следует отметить, что ЛСВ *комнатное растение (кактус, столетник)*, *которое цветет во время рекостава*, является только пятым в ряду переносных значений. Так,

данная лексема в 1-м значении обозначает *осенний ледоход*, во 2-м – *льдины, беспорядочно нагроможденные во время рекостава или первый осенний лед*, в 3-м – *первый сильный мороз*, а в 4-м – *холодный ветер (северный или восточный) или восточный ветер во время осеннего ледохода* [СРНГ, выпуск 35].

Многозначное производное *свербигуз* встречается на территории Тамбовской, Оренбургской, Тульской областей. Все ЛСВ данной лексемы содержат указание на то или иное растение. При этом каждый ЛСВ функционирует на какой-то одной территории [СРНГ, выпуск 36].

Следует отметить, что представленная в СРНГ информация отражает функционирование диалектных слов на разных территориях. Соответственно в СРНГ представлена система совокупности диалектов, а характеристики лексем, выводимые с опорой на данные этого словаря, обусловлены макросистемой, из чего следует, что эти характеристики отличаются обобщенностью, инвариантностью, абстрактностью, потенциальностью.

Анализ функционирования фитонимов в микросистемах отдельных говоров позволяет сделать вывод о том, что потенциальные возможности макросистемы, как правило, реализуются лишь частично. Так, в результате изучения микросистем отдельных говоров было выявлено, что ни в одном из региональных словарей все фитонимы не встречаются сразу. При этом наименования растений указываются преимущественно как однозначные, за исключением производного *рекостав*, которое в некоторых говорах функционирует как многозначное слово.

Производное *красноголовник* встречается в 7 из 29 словарях, причем в 2 из них в значении *гриб, подосиновик* [Ярославский областной словарь, 1986, 1987; Словарь орловских говоров, 1992, 2003] и в одном словаре данное слово имеет 2 ЛСВ: 1. *лекарственное растение, кровохлебка*; 2. *гриб подосиновик* [Словарь русских говоров Прибайкалья: вып. 2. К – Н. 1987]. Примечательно, что более распространенным в говорах фитонимом является производное *красноголовик*. Кроме того, в одном из словарей дериват *красноголовик* указывается в качестве синонима к фитониму *красноголовник*, наравне с дериватом *красноголовка*, а в другом – значение производного *красноголовник* указывается через синоним: *то же, что красноголовик (гриб подосиновик)* [Ярославский областной словарь, 1986, 1987].

Производное *медуница* встречается в 12 словарях. Однако в 8 из них данное наименование имеет значение пчела или дикая пчела, а в одном – в значении *змеевидная с медным отливом чешуи ящерица, безобидная для человека*. В значении растения данное производное встречается в 4 словарях, т. к. в одном словаре отмечается как наименование пчелы – *медуница*, так и фитоним – *медуница*.

Наиболее распространенным является фитоним *девятильник*: данное наименование встречается в 16 словарях. Следует отметить, что данный дериват последовательно воспроизводится в словарях в значении того или иного растения, преимущественно в значении *пижма*.

Производное *рекостав* отмечено в 8 словарях. При этом, в отличие от других дериватов, данное производное отмечается в основном как многозначное, а первым значением в словарях, как правило, отмечается значение *ледостав или время замерзания реки*. В значении *комнатное растение* данное наименование фиксируется 5 словарями, причем в 4 – в качестве переносного значения и только в одном – в качестве единственного [Словарь русских говоров Новосибирской области, 1979].

Фитоним *свербигуз* является наименее распространенным – указывается только в 1 словаре, что, впрочем, может быть связано с отсутствием словарей на букву «С».

Максимальная представленность рассматриваемых наименований отмечается в [Мотивационный словарь сибирского говора, 2009], где определяются такие фитонимы, как *красноголовник, медуница, рекостав и девятильник*; отсутствует только фитоним *свербигуз*.

В результате анализа словарных статей СРНГ и ряда региональных словарей были выявлены структурные характеристики слов-стимулов. Однако характеристики производных, выявленные на основании их функционирования в макросистеме, могут отличаться от характеристик, полученных в результате анализа статей словарей отдельных диалектов в силу того, что в словарях вообще отражается усредненное представление о языковом знаке, а в СРНГ оно еще и максимально обобщено. Кроме того, СРНГ ориентирован прежде всего на фиксирование дефиниции, а не на отражение речемыслительной деятельности. Тем более, обнаруживается разница при сравнении характеристик, полученных в результате анализа словарных данных и экспериментального материала. Соответственно при формулировании свойств структуры слов-стимулов, с одной стороны, выявляются «словарные», узловые характеристики, а с другой – отмечаются индивидуальные представления о структуре слова, полученные в ходе эксперимента.

Определяя структурные характеристики данных фитонимов, можно отметить, что, с точки зрения морфонологической структуры, производные слова образуют определенную шкалу, на одном полюсе которой располагается фитоним *красноголовник*, морфологическая структура которого тяготеет к агглютинативности, а на другом – производное *свербигуз*, обнаруживающее фузионную технику соединения морфем, остальные слова располагаются между этими полюсами соответственно.

В Словаре лингвистических терминов агглютинация (от лат. *agglutinare* — приклеивать) определяется как «способ образования форм слова и производных слов механическим присоединением стандартных аффиксов к неизменяемым (лишенным внутренней флексии) основам или корням. Каждый аффикс имеет только одно грамматическое значение, равно как каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом», а под фузией (франц. *fusion* – сплавление, слияние от лат. *fusio* – литье) понимается «слияние морфем, сопровождающееся изменением их фонемного состава».

Чаще всего происходит тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многозначными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию границ между морфемами. В качестве примера приводятся:

1) сплетение приставки и корня, в результате чего один и тот же звук принадлежит обоим морфемам (*приду*, ср.: *при* + *иду*, *разевать*, ср.: *раз* + *зевать*);

2) слияние конечного звука корня с начальным звуком суффикса (*расти*, ср.: *раст* + *ти*);

3) двоякая роль суффикса (*Свердловский район*, ср.: *Свердлов* + *-ск-* + *-ск-ий* - первое *-ск* входит в основу существительного, второе *-ск* должно было бы служить суффиксом относительного прилагательного);

4) сплетение частей в сложном слове в результате выпадения одного из двух непосредственно следующих друг за другом одинаковых слогов (*дикобраз*, ср.: *дик* + *о* + *образ*, *знаменосец*, ср.: *знамен* + *о* + *носек*, *минералогия*, ср.: *минерал* + *о* + *логия*).» [Розенталь, Словарь лингвистических терминов: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php.]

Соответственно производное *красноголовник* характеризуется агглютинативностью морфонологической структуры, т. к. в данном случае можно наблюдать последовательное присоединение двух корней и аффикса без каких-либо морфонологических изменений. Относительно фитонима *медуница* можно отметить некоторое проявление фузионности, т. к. инвариантный суффикс *-ица* в производном представлен одним из своих вариантов *-уница*, что способствует некоторой степени спаянности корневой и аффиксальной морфем. У производного *девятильник* также можно наблюдать тенденцию к слиянию морфем: в результате усечения начальной части второго корня происходит сплетение корневых частей сложного слова, что является признаком фузионности морфонологической структуры. Способ соединения морфем наименования *рекостав* также можно охарактеризовать как тяготеющий к фузионному, в силу изменения второй корневой части композита (вместо *-ста-* в результате наращивания в состав слова входит *-став*). Под воздействием такого фактора, как нераспространенность отдельных частей композита в современном русском языке морфонологическая структура производного *свербигуз* может быть охарактеризована как фузионная. Примечательно, что при рассмотрении последнего фитонима в рамках макросистемы степень фузионности снижается в силу того, что отдельные части сложного слова (*сверб-* и *-гуз*) с разной степенью активности и самостоятельности функционируют в различных говорах. Важно отметить, что такая характеристика морфонологической структуры слов, как агглютинативность / фузионность, по-видимому, является предпосылкой большей / меньшей степени членимости производных в экспериментальных условиях.

Для определения степени членимости фитонимов в работе использовалась классификация Н. А. Янко-Триницкой, в которой выделяется три типа членимости, каждый из которых делится на

1 и 2 степени (полная членимость 1 и 2 степени, достаточная членимость 1 и 2 степени, недостаточная членимость 1 и 2 степени) [20, с. 173 – 219], автор обращает внимание на то, что «только полная членимость 1-й степени отражает систему современного русского языка» [20, с.210], а «слова, относящиеся ко всем остальным степеням членимости, всегда фразеологичны в той или иной степени» [20]. Важно, что Н. А. Янко-Триницкая, выделяя степени членимости основ, учитывает тот факт, что делимость слова является фактом языковой системы, объективным признаком, улавливаемым языковым сознанием, и то, что «достижению полного и непротиворечивого описания степеней членимости слов словарного состава препятствует наличие в русском словообразовании значительного количества несистемных фактов, а также целый ряд субъективных факторов: текучесть состава словаря, с которым оперирует анализирующий, огромность материала, из которого не всегда все учитывается и своевременно извлекается, и отсутствие твердых критериев установления семантического тождества морфем» [20, с. 218 – 219].

Таким образом, в соответствии с классификацией Н. А. Янко-Триницкой, все предъявляемые в эксперименте производные по степени членимости основ можно отнести к полной свободной членимости или полной членимости первой степени, так как «обе части основы с тем же значением наличествуют и в других основах, причем корень встречается в виде самостоятельной основы» [20, с. 185]. В фитониме *красн-о-голов-ник* данный факт не вызывает сомнений (ср.: *красн-о-голов-ник*: *красный*, *голова* – общерусские единицы, *белоголовник* – наименование фитонима по данным СРНГ). Относительно производного *мед-уница* следует отметить, что если отрезок *-униц(а)* рассматривать так, как это указано в [16, § 349], т. е. в качестве разновидности морфемы *-ица* со значением, содержащим отсылку к классу растений, то данный фитоним на основании соотношенности с такими словами, как *мед* и *пушица*, следует рассматривать как производное полной членимости первой степени. Производное *девятильник* также следует отнести к полной членимости первой степени, т. к. корень *девят-* может представлять самостоятельную основу в общерусском слове *девять*, а суффикс *-ильник* является вариантом морфемы *-ник*, которая встречается в словах, обозначающих растения (*бель-ник*, *коров-ник*, отмеченные СРНГ). Наименование растения *рек-о-став* соотносимо с общерусским словом *река* и диалектным *ледостав*, что свидетельствует о той же степени членимости. Также к полной членимости первой степени можно отнести производное *сверб-и-гуз*, т. к. первая часть композита встречается в слове *свербеть*, которое отмечается и в словаре С. И. Ожегова в значении *саднить*, *зудеть*, и в СРНГ, где указывается и непереходный глагол *свербеть*, имеющий 3 омонимичные формы, и переходный *свербить*, включающий 3 ЛСВ. Кроме того, в СРНГ можно отметить большое количество производных слов: *свербец*, *свербёшка*, *свербина*, *свербилка*, *свербежница*, *сверба* и др., что свидетельствует о разви-

тости словообразовательного гнезда с вершиной – *сверб-*. Вторая часть производного *сверб-и-гуз* выступает в качестве самостоятельной основы в диалектном слове *гуза*, и участвует в образовании общерусского производного *гуз-к-а*, которое отмечено в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой и Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова. Однако примечательно, что ни слово *гуз*, ни *гуза* в современных толковых словарях не встречается, а в СРНГ отмечается две омонимичные формы слова *гуз* и слово *гуза*. Кроме того, можно увидеть большое количество производных: *гузан*, *гузанье*, *гузево*, *гузёнка*, *гузель* и др.

Однако следует отметить, что полную членимость первой степени данные производные обретают в результате функционирования в рамках диалектной макросистемы. Интересными, на наш взгляд, являются данные, отмеченные в словаре орловских говоров относительно фитонима *свербигуз*: «*Свергибус, свертигус – Травянистое растение с горьковатым съедобным стеблем*» [Словарь орловских говоров, 1992, с. 170]. Исходя из словарной статьи, можно сделать вывод, что наименование растения *свербигуз* в рамках данного диалекта воспринимается как нечленимое, что находит отражение в изменении морфонологической структуры фитонима.

Такая тенденция еще сильнее проявляется в условиях эксперимента: все производные могут демонстрировать разную степень членимости, что находит отражение в метатекстах информантов. Данный факт связан, с одной стороны, с компетентностью реципиентов (степень владения родным языком, в том числе диалектной подсистемой национального языка, знание иностранных языков и т. д.), а с другой – обусловлено структурными характеристиками каждого производного, которые могут способствовать / не способствовать выделению отдельных частей структуры слова.

Для проведения направленного эксперимента, который позволяет углубить представления о связи полимотивации и структурных свойств деривата (агглютинативности / фузионности его морфонологической структуры и степени его членимости), испытуемым – школьникам гимназии № 21 г. Кемерово (6-е классы) в количестве 45 человек и студентам КемГУ в количестве 81 человека – предъявлялись установочный текст и задание, в той или иной мере настраивающие продуцентов на внимательное отношение к словам определенной структуры и фантазийное их осмысление в форме рассказа травницы о свойствах фитонимов *красноголовник*, *медуница*, *девятильник*, *рекостав*, *свербигуз*. От 126 информантов получено 558 текстов (в некоторых случаях наблюдалась стратегия отказа интерпретировать языковой знак), что позволяет сделать некоторые обобщения.

Полимотивация представлена в 46 из 118 текстов с дериватом-темой *красноголовник*, в 20 из 117 текстов с дериватом-темой *медуница*, в 11 из 110 текстов с дериватом-темой *девятильник*, в 9 из 102 текстов с дериватом-темой *рекостав*, в 1 из 111 текстов с дериватом-темой *свербигуз*. Это сви-

детельствует о регулярности основной аналогии при семантизации единиц с аддитивным типом межморфемного синтеза и увеличении ассоциативных возможностей, а также продуктивности звуковой аналогии в случаях осмысления слов фузионной структуры.

Высокая степень членимости приводит к появлению в метатекстах конкретизаторов основы деривата, носящих тривиальный характер и совпадающих по звуковому облику с определяемым. Напротив, затрудненная выделяемость знаменательной морфемы не только сокращает частоту основных конкретизаторов, но и вызывает их вариативность, нетривиальность, трансформируемость для более выразительной передачи звукового облика темы.

Красноголовник воспринимается носителями языка как легко членимое, что подтверждается неоднократным использованием в метатекстах конкретизаторов знаменательных морфем *красн-* и *-голов-* (*красный, краснеть; голова, головка, головной*). Однако если корень *красн-* вычленяется носителями языка регулярно, то при определении морфемных границ между корнем *-голов-* и суффиксом *-(н)ик* обнаруживается вариативное членение основы слова, что вызывает не только модификацию конкретизаторов, но и снижение регулярности полимотивации.

Несмотря на достаточную прозрачность морфореляционной структуры, у фитонимов *медуница* и *девятильник* обнаруживаются случаи нетривиального выделения знаменательных морфем. Поэтому, наряду с полимотивацией регулярными конкретизаторами *мед*, *медовый* и *девять*, в метаязыковую деятельность включаются индивидуальные основные аналогии типа *медуница* < *медуза*, *девятильник* < *дева*, поддерживаемые в деривате-теме размытостью границ морфореляционного шва.

Фитоним *рекостав* по параметру низкой степени членимости приближается к производному *свербигуз*, о чем свидетельствуют резкое сокращение аналогичных по корню / основе сближений и увеличение звуковых ассоциаций. Вместе с тем даже при нерегулярной семантизации деривата *рекостав* точным повтором конкретизатора *река* членимость знаменательной морфемы *рек-* еще воссоздается. Случай же единичной морфологизованной семантизации деривата *свербигуз* расходящимися по звучанию элементами *север*, *северный* свидетельствует о наименьшей выразительности определяемого корневого элемента *свер-*, эпентетически преобразуемого в уточняющем множестве.

Таким образом, в освещении и оценке экспериментальных данных важным этапом выступает характеристика слов-стимулов как элементов макросистемы, а также частных диалектных систем. Это позволяет констатировать значимость историко-ведческого аспекта, предполагающего использование информации диалектных словарей для комплексного описания эпидигматического потенциала искомым дериватов. Однако использование историко-ведческого подхода является лишь одним из этапов в процессе анализа материала, так как в словарях отражается усредненное представление о язы-

ковом знаке. Кроме того, рассматриваемые словари ориентированы по преимуществу на формулирование дефиниции, а не на фиксацию речемыслительной деятельности диалектоносителей, что обуславливает различие в характеристиках, выявленных у дериватов, с одной стороны, по данным словарей, а с другой – исходя из метаязыковой деятельности носителей языка. В свою очередь, метаязыковая деятельность служит необходимым источником знаний об условиях возникновения / затухания внутренней формы слова, а также о специфике действия правил языковой аналогии, реализуемых через полимотивацию.

Литература

1. Блинова, О. И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект) / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 191 с.
2. Блинова, О. И. Томская лингвистическая школа (взгляд изнутри и извне) / О. И. Блинова // Вестник ТГУ. – Т. 266. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 69 – 77.
3. Блинова, О. И. Обыденное метаязыковое сознание как источник лингвистической информации (на материале диалектной мотивологии) / О. И. Блинова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008 а. – С. 13 – 19.
4. Блинова, О. И. «Словарь фитонимов среднего приобья» как источник диалектной мотивологии / О. И. Блинова // Вестник ТГУ. Филология. – Томск, 2008 б. – № 2 (3). – С. 14 – 23.
5. Богатова, Г. А. Размышления после Международного съезда русистов в Красноярске / Г. А. Богатова // Вопросы языкознания. – М., 1998. – № 3. – С. 115 – 122.
6. Зубкова, Л. Г. Антропологический подход к языку: истоки, принципы, эволюция / Л. Г. Зубкова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – М.; Барнаул, 2003. – С. 101 – 113.
7. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 260 с.
8. Катышев, П. А. Субстантно-семиологическая детерминанта полимотивации деривата / П. А. Катышев // Антропотекст-1. – Томск, 2006 а. – С. 112 – 122.
9. Катышев, П. А. Полимотивация – проявление детерминанты русского языка (на материале дискурсивной деятельности носителей диалектного и русского языка) / П. А. Катышев // Актуальные проблемы русистики. – Вып. 3: языковые аспекты регионального существования человека. – Томск, 2006 б. – С. 488 – 494.
10. Катышев, П. А. Полимотивированность деривата в системологическом освещении / П. А. Катышев // Язык в контексте гуманитарных знаний. – Великий Новгород, 2008. – С. 37 – 47.
11. Катышев, П. Полимотивация деривата как стратегия речемыслительной деятельности. К основаниям когнитивно-дискурсивной интерпретации явления / П. Катышев. – LAP LAMBERT Academic Publishing. – Saarbrücken, 2011. – 292 с.
12. Курапова, М. Н. Источниковедческий аспект мотивологии: на материале этимологических словарей / М. Н. Курапова: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2002. – 297 с.
13. Пищальникова, В. А. Психоллингвистика и современное языковедение / В. А. Пищальникова // Методология в современной психолингвистике: сб. статей. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – URL: <http://psycholing.narod.ru/monograf/pi-psyhrest.htm>.
14. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/a.php.
15. Ростова, А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 49 – 58.
16. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1. – 783 с.
17. Соколова, С. К. Агглютинативность / фузионность как структурная детерминанта полимотивации деривата / С. К. Соколова // Вестник ЧГУ. – № 34 (172). – Вып. 36. – Серия «Филология. Искусствоведение». – Челябинск: ЧелГУ, 2009 а. – С. 110 – 118.
18. Соколова, С. К. Степень членимости деривата как детерминанта полимотивации / С. К. Соколова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: НГУ, 2009 б. – № 4. – С. 131 – 136.
19. Тубалова, И. В. Показания языкового сознания как источник изучения варьирования внутренней формы слова / И. В. Тубалова // Явление вариативности в языке: материалы Всероссийской конференции (13 – 15 декабря 1994 г.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 385 – 390.
20. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 503 с.

Источники

1. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. – М., 1980 – 1999.
2. Арьянова, В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / В. Г. Арьянова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
3. Богданов, В. Н. Талицкий словарь (диалектная лексика старожильского населения Талицкого сельсовета Усть-Канского района Горно-Алтайского автономной области) / В. Н. Богданов. – Горно-Алтайск, 1993.
4. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002.
5. Дружинина, М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учебное пособие по русской диалектологии / М. Ф. Дружинина. – Якутск, 2002 (Г-И), 2007 (Р-Я).

6. Мотивационный словарь сибирского говора / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – Т. 1, 2.
7. Мызников, С. А. Русские говоры Среднего Поволжья / С. А. Мызников. - Чувашская Республика, Республика Марий Эл. – СПб.: Наука, 2005.
8. Полный словарь сибирского говора: в 3 т. / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993.
9. Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983 – 1996.
10. Словарь говора д. Ачим Красновишеревского района Пермской области (Акчимский словарь). – Пермь: Перм. ун-т, 1990. – Вып. 1 А – 3; Вып. 2 И – М.
11. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. – Пермь, 1973.
12. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск: Из-во СО РАН, 1999.
13. Словарь диалектного просторечья Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003.
14. Словарь орловских говоров: учебное пособие. - Орел: ОГПИ, 1992 – 2003.
15. Словарь русских говоров Алтая / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. - Т. III. – Ч. I. (буквы Л – О).
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. / отв. ред. О. А. Черепанова; гл. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1996.
17. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. д-ра филол. наук А. И. Федорова. – Новосибирск, 1979.
18. Словарь русских говоров Приамурья. – М.: Наука, 1983.
19. Словарь русских говоров Прибайкалья. - Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1986, 1987. - Вып. 1. А – И; Вып. 2. К – Н.
20. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. - Красноярск: изд-во КГПИ, 1992.
21. Словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск: Наука, 2005.
22. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. – Свердловск, 1964 – 1988.
23. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвалдт). – Красноярск: КГПУ, 2003, 2005. – Т. 1, 2.
24. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. – Красноярск, 1988.
25. Словарь русских народных говоров. – СПб., 1953 – 1977. – Вып. 7, 15, 18, 35, 36.
26. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. – Омск, 1998.
27. Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. - Смоленск: СГПИ им К. Маркса, 1974 – 1993.
28. Ярославский областной словарь: учебное пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981 – 1990.